

Остин Райт
Тони и Съюзен

Austin Wright
Tony & Susan

Остин Райт Тони и Сьюзен

*Перевод с английского
Дмитрия Харитонова*

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44
Р18

This edition is published by arrangement with *Atlantic Books, an Imprint of Grove Atlantic* and *Synopsis Literary Agency*.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Райт, О.

Р18 Тони Сьюзен: роман / Остин РАЙТ; пер. с англ. Д. ХАРИТОНОВА. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 510, [2] с.

ISBN: 978-5-271-44695-5 (ООО “Издательство Астрель”)

Через четверть века после развода первый муж Сьюзен присылает ей по почте рукопись своего первого романа. Сьюзен никогда не верила в талант Эдварда, который в юности мечтал посвятить себя писательству, но стал в итоге страховым агентом. Однако она принимается читать, и роман неожиданно ее захватывает. Он полон намеков и загадок, адресованных непосредственно ей. Читая, она заново осмысляет отношения с Эдвардом, свой новый брак и, по сути, всю свою жизнь.

Эта четвертая по счету книга американца Остина Райта, автора семи романов и нескольких эссе, вышла двадцать лет назад. Но настоящую славу она принесла Райту уже посмертно, в 2010 году, когда ее переиздали в Англии. Восторженные отклики прессы и читательский успех заново открыли миру великолепного писателя, мастера стиля и захватывающей сюжетной интриги.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

ISBN: 978-5-271-44695-5 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Austin Wright, 1993
  - © Д. Харитонов, перевод на русский язык, 2012
  - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012
  - © ООО “Издательство Астрель”, 2012
- Издательство CORPUS ®

Содержание

ПРЕЖДЕ	7
ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ	17
ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ	153
ЧТЕНИЕ ВТОРОЕ	185
ИНТЕРЛЮДИЯ ВТОРАЯ	299
ЧТЕНИЕ ТРЕТЬЕ	339
ПОСЛЕ	491

ПРЕЖДЕ

Все началось с письма, которое Эдвард, первый муж Сьюзен Морроу, прислал ей еще в сентябре. Он написал книгу, роман, и может, она его прочтет? Сьюзен была поражена, потому что, не считая рождественских открыток со словами “С любовью” от его второй жены, никаких известий об Эдварде она не получала уже двадцать лет.

Она поискала его среди воспоминаний. Она помнила, что он хотел писать — рассказы, стихи, очерки, все, что состоит из слов, — это она помнила хорошо. Это было главной причиной возникших между ними сложностей. Но она думала, что потом он оставил писательство, решив заняться страхованием. Оказывается, нет.

В кажущееся ныне неправдоподобным время их брака стоял вопрос, надо ли ей читать написанное им. Он новичок, она — более строгий критик, чем ей бы хотелось. Положение было ще-

котливое: она смущалась, он обижался. Теперь в письме он говорил: но уж эта книга, черт возьми, хороша. Он столько узнал о жизни и писательском деле. Он хочет доказать ей это, пусть прочтет, увидит, пусть судит сама. Лучшего критика, чем она, у него не было, писал он. И она может ему помочь, так как ему кажется, что роману, при всех его достоинствах, чего-то не хватает. Она поймет, она подскажет. Не спеши, писал он, набросай несколько слов — что в голову придет. Подписано: “Твой Эдвард, который по-прежнему помнит”.

Подпись ее рассердила. Она слишком о многом напоминала и ставила под угрозу заключенный с прошлым мир. Ей не хотелось вспоминать, не хотелось соскальзывать в те малоприятные переживания. Тем не менее она попросила его выслать книгу. Она устыдилась своих подозрений и возражений. Почему он просит ее, а не кого-нибудь из новых знакомых? Почему обременяет: как будто “что в голову придет” не есть то же самое, что вдумчивые суждения. Но отказать она не могла — не то показалось бы, что она до сих пор живет прошлым. Посылка пришла через неделю. Ее дочь Дороти принесла ее на кухню, где они ели бутерброды с арахисовым маслом, — она, Дороти, Генри и Роза. Посылка была густо заклеена. Она извлекла рукопись и прочла титульный лист:

ЭДВАРД ШЕФФИЛД
НОЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ
РОМАН

Хорошая машинопись, чистая бумага. Она задумалась о смысле заглавия. Оценила жест Эдварда, примирительный и лестный. Она испытала легкий стыд, настороживший ее, и поэтому, когда ее нынешний муж Арнольд пришел вечером домой, смело объявила:

— Я сегодня получила письмо от Эдварда.

— От какого Эдварда?

— Ну, Арнольд.

— А, от Эдварда. Так. И что же этот недоумок имеет сообщить?

Это было три месяца назад. На душе у Сюзен беспокойно — прихватит и отпустит, разобраться не получается. Когда она не беспокоится, ее беспокоит, что она может забыть, о чем беспокоится. А когда знает, о чем беспокоится — понял ли Арнольд, что она хотела сказать, или что хотел сказать он, когда сказал, что хотел сказать этим утром, — даже тогда она чувствует, что дело в чем-то другом, более важном. Между тем она хозяйничает, оплачивает счета, прибирается и стряпает, занимается детьми, трижды в неделю ведет занятия в местном колледже, а ее муж в это время чинит сердца в больнице. Вечерами она чита-

ет, предпочитая это телевизору. Читает она, чтобы отвлечься от себя.

Ее тянет открыть роман Эдварда — она любит читать, хочет верить, что он способен расти, — но три месяца не может за него взяться. Отсрочка оказалась ненамеренной. Она положила рукопись в шкаф, забыла про нее и потом вспоминала в самое неподходящее время — покупая продукты, отвозя Дороти на урок верховой езды, проверяя работы первокурсников. Расправившись с делами, забывала.

Когда не забывала, то пыталась освободить голову, чтобы читать роман Эдварда как полагается. Трудность заключалась в воспоминаниях, просыпавшихся, как древний вулкан, с рокотом и землетрясением. Вся эта забытая близость, их бесполезное знание друг друга. Она помнила его самоупоенность, тщеславие, а также его страхи — а вдруг он ничего собой не представляет, — но обо всем об этом надо забыть, если она хочет, чтобы ее оценка была справедливой. Она решительно настроена быть справедливой. Чтобы быть справедливой, она должна отречься от воспоминаний и притвориться посторонним человеком.

Она не могла поверить, что он хочет, чтобы она просто прочла его книгу. Тут, наверное, что-то глубже, какой-то новый выверт в их мертвом союзе. Она задумалась, чего, по мнению Эдварда, недостает его книге. Из письма следовало, что он не знает, но она поду-

мала — нет ли там тайного смысла: Сьюзен и Эдвард, сокровенная любовная песнь? Дескать, прочти и, разыскивая недостающее, найди Сьюзен.

Или ненависть, что представлялось более вероятным, хотя они избавились от нее сто лет назад. Если она злодейка, то там неостанется предназначенного ей яда, вроде белоснежкиного красного яблочка. Любопытно будет узнать, сколько иронии на деле содержит письмо Эдварда.

Но даже внутренне подготовившись, она по-прежнему забывала, не читала и со временем утвердилась в мысли, что потерпела фиаско. Она стыдилась этого и одновременно гордилась своим неповиновением, пока за несколько дней до Рождества не получила от Стефани открытку с припиской от Эдварда. Он приедет в Чикаго, говорилось там, тридцатого декабря, на один день, остановится в “Мариотте”, надеюсь, увидимся. Она встревожилась, потому что он захочет поговорить о своей нечитаной рукописи, затем успокоилась, поняв, что время еще есть. После Рождества: муж Арнольд уедет на съезд кардиохирургов, на три дня. Тогда и прочтет. Это займет ее, поможет не думать о поездке Арнольда, и ей не придется чувствовать себя виноватой.

Интересно, как сейчас выглядит Эдвард. Она помнит его светловолосым, птицеподобным — с крючковатого носа постреливают глаза, — невероятно тощим — руки как плети, острые локти, гениталии

на фоне костлявого таза кажутся больше, чем они есть. Тихий голос, рубленая, нетерпеливая речь, словно он думает, что большая часть того, что ему приходится говорить, — глупости, которые и говорить-то не стоит.

Может, он стал степенным или чванливым? Наверно, прибавил в весе и поседел, если только не облысел. Она гадает, что он подумает о ней. Ей бы хотелось, чтобы он отметил, насколько она стала терпимее, легче, великодушнее и насколько больше она всего знает. Она боится, что его обескуражит разница между двадцатью четырем и сорока девятью годами. Очки она поменяла, но при Эдварде она вовсе не носила очков. Она пополнена, грудь увеличилась, впалые щеки округлились, и бледность на них сменилась румянцем. Волосы — при Эдварде длинные, прямые и шелковистые — теперь прибранные, короткие и с сединой. Она сделалась здоровой и крепкой, и Арнольд говорит, что она похожа на скандинавскую лыжницу.

Сейчас, когда она совсем готова к чтению, она задается вопросом, что это за роман. Как будто путешествие неведомо куда. Хуже всего, если роман не удался: это, может быть, задним числом ее оправдает, но создаст неловкость в настоящем. Но даже если он и удался, она все равно рискует: задушевная прогулка по незнакомому сознанию, необходимость раздумывать над символами, более внятным другим, чей ей, иметь дело с замкнутым кругом навязанных

ей чужаков, вживаться в чужой обиход. А проводником — Эдвард, из-под власти которого она в свое время с таким трудом освободилась.

Сколько малопривлекательных перспектив: заскучать, оскорбиться, попасть под сентиментальные излияния, отяготиться унынием и мраком. Что занимает Эдварда в сорок девять лет? Наверняка она может сказать лишь, чем этот роман не будет. Если Эдвард не переменится самым коренным образом, книга не будет ни детективом, ни историей бейсболиста, ни вестерном. Не будет она и кровавой историей о мести.

Что остается? Она выяснит. Она приступит в понедельник вечером, на завтра после Рождества, когда Арнольд уедет. Чтение займет три вечера.

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ

1

Этим вечером Сьюзен Морроу садится читать рукопись, и ее, как пуля, поражает страх. Первое мгновение напряженной сосредоточенности проходит, не оставшись в памяти, и остается неясный испуг. Опасность, угроза, беда — она не знает что. Пытаясь вспомнить, о чем думала, она возвращается мыслями на кухню, к сковородкам и прочей утвари, к посудомоечной машине. Потом — к тому, как задохнулась от страха на диване в гостиной. Дороти, Генри и друг Генри Майкл играют в кабинете на полу в “Монополию”. Она отклоняет приглашение поиграть с ними.

Рождественская елка, открытки на камине, игры, наряды, оберточная бумага на диване. Беспорядок. В доме замирает воздушное движение аэропорта О’Хара — Арнольд уже в Нью-Йорке. Не в силах вспомнить, что ее напугало, она старается не думать об этом, кладет ноги на кофейный столик и, дохнув на очки, протирает их.

Беспокойство не оставляет ее, оно неизъяснимо сильно. Поездка Арнольда — если в этом дело — вызывает у нее апокалиптический ужас, но она не находит разумных оснований для этого. Авиакатастрофа? Но авиакатастроф не бывает. Съезд хирургов ничем не грозит. Арнольда будут узнавать в лицо или опознавать по имени на бедже. Он, по обыкновению, будет польщен, обнаружив, как высоко его ставят, и придет в наилучшее расположение духа. От собеседования с Вашингтонским институтом кардиологии худого не будет — если, конечно, ничего не сладится. Если же вдруг сладится, то ее ждет совсем новая жизнь и возможность переехать в Вашингтон, если она пожелает. Он сейчас с коллегами и старой гвардией, с людьми, которым можно доверять. Наверное, она просто устала.

И все же она откладывает Эдварда. Читает другое — газету, передовицы, кроссворд. Рукопись противится ей, или она противится рукописи, не начинает читать, боясь, что книга заставит ее забыть опасность, в чем бы она ни состояла. Рукопись такая тяжелая, такая длинная. Книги всегда поначалу ей сопротивляются, потому что требуют так много времени. Они могут похоронить ее мысли, иной раз навсегда. Она может дочитать другим человеком. В данном случае все хуже, чем обычно, так как возвращение Эдварда из небытия несет с собою новые отвлекающие сюжеты, никак не привязанные

к тому, о чем она думает. И он тоже опасен — он разгрузил свой разум, сбросил бомбу, которую в себе носил. Не важно. Если она не вспомнит причину своего волнения, книга его затушует. Тогда она не захочет отрываться от чтения. Она открывает папку, глядит на заглавие — “Ночные животные”. Перед нею возникает туннель в домик зоопарка; пройдя по нему, она видит в тусклом сиреневом свете стеклянные вольеры со странными маленькими существами — огромные уши, большие глаза, ночь вместо дня. Ладно, начнем.

Ночные животные 1

Мужчина по имени Тони Гастингс с женой Лорой и дочерью Хелен ехал ночью на восток по федеральной трассе в северной части Пенсильвании. Они направлялись на отдых в свой летний дом в штате Мэн. Ночью они ехали потому, что поздно собрались, а потом еще задержались, меняя в пути колесо. Придумала это Хелен, когда они, пообедав где-то на севере Огайо, сели обратно в машину.

— Давайте не будем искать мотель, — сказала она, — давайте ехать всю ночь.

— Ты серьезно? — спросил Тони Гастингс.

— Ну да, а что?

Это предложение возмутило его чувство порядка, всполошило его привычки. Он был профессор математики и гордился своей правильностью и здравомыслием. Полгода назад он бросил курить, но и после этого иногда держал в зубах трубку ради придаваемой ею солидности. Его первая реакция на предложение была: не дури, но он подавил ее, желая быть хорошим отцом. Он считал себя хорошим отцом, хорошим преподавателем, хорошим мужем. Хорошим человеком. Но при этом ощущал в себе сродство с ковбоями и бейсболистами. На лошадь он никогда не садился, в бейсбол не играл с детства, особенно кряжистым и сильным тоже не был, зато носил черную бороду и считал себя натурой легкой. Он настроился на мысль об отдыхе и приволье ночного шоссе, на это неожиданное развлечение, и окрылился, сбросив гнет ответственности — не надо выискивать место для ночевки, останавливаться у вывесок, подходить к конторкам и спрашивать комнаты, он воодушевился идеей ехать в ночь, махнув на свои привычки рукой.

— Готова будешь в три часа меня сменить?

— Когда скажешь, папочка, когда скажешь.

— Лора, ты что думаешь?

— А у вас силы к утру останутся?

Он знал, что экзотическая ночь сменится жутким днем и он намучается, борясь с неурочным сном и восстанавливая привычный режим, но он был ковбой в отпуске, и момент располагал к безответственности.

— Хорошо, — сказал он. — Поехали.

И вот они ехали — мчались по шоссе в медленно сходящихся сумерках, минуя фабричные города, плавно вписываясь на скорости в изгибы дороги, по длинным ее подъемам и спускам, мимо пашен, и закаты-вающееся позади солнце вспыхивало в окнах ферм среди высоких лугов перед ними. Все трое, упоенные новизной, делились восторгом от красоты пейзажа в этом угасании дня, в этих косых солнечных лучах, подкрасивших и преобразивших желтые поля, зеленые леса и дома изменчивым свечением; асфальт тоже менялся — в зеркале серебряный, по ходу — черный.

В сумерках они остановились заправиться, а когда вернулись на дорогу, папа Тони увидел впереди на обочине автостопщика, по виду бродягу. Он начал разгоняться. Автостопщик держал в руках табличку с надписью: “Отбангорьте”.

Дочка Хелен закричала ему в ухо:

— Ему в Бангор, папа. Давай подвезем.

Тони Гастингс прибавил газу. Автостопщик с длинной светлой бородой имел на себе комбинезон без поддевки и хайратник. Он проводил Тони взглядом.

— Ну папа.

Он оглянулся, чтобы убедиться — дорога свободна.

— Ему надо было в Бангор, — сказала она.

— Ты хочешь провести в его обществе двенадцать часов?

— Ты никогда никого не подводишь.

— Чужие люди, — сказал он; он желал предостеречь Хелен против опасностей этого мира, но все равно получилось занудство.

— Не всем так хорошо живется, как нам, — сказала Хелен. — Тебе не стыдно их бросать?

— Стыдно? Ни капли.

— У нас есть машина. У нас есть место. Нам по пути.

— Ох, Хелен, — сказала Лора. — Не будь ребенком.

— Мои школьные приятели ловят машину до дома. Что бы они делали, если бы все были такие, как ты?

Недолгая тишина. Хелен сказала:

— Этот парень был очень милый. По нему видно.

Тони припомнил бродягу и развеселился:

— Который хотел меня отбангорить?

— Папа!

От наступавшей ночи веяло бесшабашностью, авантюрой, неведомым.

— Он держал табличку, — сказала Хелен. — Это было вежливо, он поступил предупредительно. И у него была гитара. Ты что, не видел гитару?

— Это была не гитара, а автомат, — сказал Тони. — Все бандиты носят автоматы в футлярах для инструментов, чтобы их принимали за музыкантов.

Жена Лора положила ему руку на затылок.

— Он был похож на Иисуса Христа, папа. Ты что, не видел, какое у него благородное лицо?

Лора засмеялась.

— Каждый, кто отпустил бороду, похож на Иисуса Христа, — сказала она.

— Я об этом и говорю, — сказала Хелен. — Если он отпустил бороду, значит, он свой человек.

Лорина рука на его затылке и посередке, меж ними — голова Хелен, приникнувшей с заднего сиденья к переднему.

— Папа?

— Да?

— Это ты неприлично сейчас пошутил?

— Ты о чем?

Ни о чем. Они молча ехали в темноту. Потом дочка Хелен запела костровые песни, мама Лора стала ей подпевать, даже папа Тони, который не пел никогда, добавил басу, и они с музыкой проследовали по грандиозной пустой трассе до штата Пенсильвания, а краски все сгущались и наконец слепились во тьму.

Затем была настоящая ночь и Тони вел в одиночестве, никаких голосов — только шум ветра, заглушавший шум мотора и колес; его жена Лора молча сидела в темноте рядом с ним, а его дочь Хелен скрылась на заднем сиденье. Машин было немного. Редкие огни на встречной мерцали сквозь деревья на разделительной полосе. Иногда, когда полосы расходились, огни шли вверх или вниз. На своей

полосе он время от времени видел красные огоньки машин впереди, порой в его зеркале возникали фары и его нагоняла легковушка или грузовик, но потом дорога надолго пустела. Ничего не светилось и по сторонам от дороги — он не видел, что там, но воображал сплошной лес. Он радовался, что защищен от дебрей машиной, и что-то напевал про себя; через час он думал выпить кофе, а пока что наслаждался хорошим самочувствием, бодрый, сосредоточенный — в темной рубке своего корабля со спящими пассажирами. Он радовался, что не взял автостопщика, радовался любви своей жены и веселому нраву своей дочери.

Званием автомобилиста он гордился и на дороге был склонен к фарисейству. Он старался держаться 65 миль в час. На длинном подъеме он увидел две пары задних фар рядом друг с другом, они закрывали оба ряда. Одна машина пыталась обогнать другую, но не могла, и ему пришлось убавить скорость. Он перестроился в левый ряд за обходящей. Пробормотал: “Давай, поехали”, — ибо как автомобилисту ему была присуща и невыдержанность. Тут ему пришло в голову, что левая машина не пыталась обогнать другую, а вела с нею беседу — и действительно, обе машины ехали все медленнее.

Черт, уйди с дороги. Одним из его фарисейских правил было никогда не сигналить, но он все же дал один короткий гудок. Машина перед ним вырва-

лась вперед. Он прибавил скорости, проехал мимо другой и вернулся в правый ряд, чувствуя себя несколько неловко. Самая медленная машина отстала. Машина перед ним, ушедшая было вперед, снова сбавила ход. Он подумал, что ее водитель дожидается второй — продолжить свои игры, и поменял полосу, чтобы проехать, но машина перед ним вильнула влево, и ему пришлось тормозить. Потрясенный, он понял, что водитель собирается играть в игры с ним. Машина еще замедлилась. В зеркале он увидел далекие фары третьей машины. Счел за лучшее не сигналить. Они ехали тридцать миль в час. Он хотел перейти в правый ряд, но передняя машина опять его подрезала.

— Ой-ой-ой, — сказал он.

Лора шевельнулась.

— Неприятности у нас, — сказал он.

Теперь передняя машина ехала чуть быстрее, но все равно медленно. Третья оставалась еще далеко. Он посигналил.

— Не надо, — сказала Лора. — Он этого и хочет.

Он ударил по рулю. Подумал и вздохнул. Сказал:

— Держись, — нажал на газ и ушел влево. На этот раз удалось. Другая машина погудела, и он погнал вперед.

— Дети, — сказала Лора.

— Вот уроды, — проговорила Хелен с заднего сиденья. Он не знал, что она не спит.

— Мы оторвались? — спросил Тони. Другая машина ехала немного позади, и ему стало легче.

— Хелен! — сказала Лора. — Нет!

— Что? — спросил Тони.

— Она показала им палец.

Другой автомобиль был большой старой “бьюик” с помятым левым крылом, темный — синий или черный. Он не посмотрел, кто в ней. Они догоняли. Он поехал быстрее, восемьдесят, но их фары не отдалялись, висели у него на самом хвосте, впритык.

— Тони, — тихо сказала Лора.

— О боже, — сказала Хелен.

Он поддал еще.

— Тони, — сказала Лора.

Они не отставали.

— Пожалуйста, веди нормально, — сказала она.

Третья машина была очень далеко, ее фары надолго пропадали на изгибах и появлялись, когда дорога шла прямо.

— Когда-нибудь им надоест.

Он сбавил скорость до прежних шестидесяти пяти; другая машина держалась так близко, что вместо фар он видел в зеркале лишь яркий свет. Машина поигнорила и сместилась обходить.

— Пропусти его, — сказала Лора.

Машина поехала рядом, прибавляя ходу, когда он разогнался, и убавляя, когда убавлял он. В ней было

трое парней, разглядеть их как следует он не мог — только одного, на сиденье рядом с водителем; у него была борода, и он ухмылялся.

Он решил ехать ровно шестьдесят пять. По возможности не обращать на них внимания. Парни рывком оказались перед ним и притормозили, вынудив притормозить и его. Когда он попытался объехать их, они рванулись влево и загородили ему дорогу. Он вернулся в правый ряд, и они дали ему поравняться с ними. Они обогнали его и мотнулись между рядами. Потом перешли в правый, вроде как уступая ему, но когда он хотел проехать, они вильнули в его сторону. В приступе ярости он не пустил их; звучное металлическое гроыхание, встряска — и он понял, что он их стукнул.

— Вот черт! — сказал он.

Другая машина шарахнулась, словно от боли, и он прошел. “Так им и надо”, — сказал он, — сами напросились, но еще он сказал: “Вот черт”, — и поехал медленнее, раздумывая, что делать; медленнее поехала и машина за ним.

— Что ты делаешь? — спросила Лора.

— Мы должны остановиться.

— Папа, — сказала Хелен. — Нельзя останавливаться!

— Мы их стукнули, надо остановиться.

— Они нас убьют!

— А они останавливаются?